

СМЕРТЬ ТИХОНА

Издание: Пантелеймон Романов; Избранные произведения.

Изд-во "Художественная литература", Москва, 1988.

OCR и вычитка: Александр Белоусенко (belousenko@yahoo.com), 20 августа 2002.

Истари уж в народе было замечено, что при всякой большой перемене жизни старики один за другим начинают убираться на покой.

Старичок Тихон, несмотря на болезнь, ни разу среди дня не ложился и все ходил. Он только был какой-то странный, все осматривался вокруг себя, когда сидел в избе один на лавке, точно он попал в малознакомое место.

Когда его хотели свезти в больницу, он сначала посмотрел на свою старуху Аксиныю, как бы плохо понимая, потом вдруг понял и молча показал рукой на лавку -- под святые.

Старушка Аксиныя заплакала, хотела его обнять, но сползла и села на пол около его ног, уткнувшись ему в колени.

Большая белая рука Тихона лежала у нее на плече, а сам он смотрел вдаль, как он всегда смотрел, и губы его что-то шептали. Можно было только разобрать, что он говорил:

-- Ничего... пора... призывает...

А потом, как бы спохватившись, торопливо встал и, пробираясь по стенке на своих тонких дрожащих ногах, пошел к сундуку.

-- Да что тебе надо-то? Куда ты? -- говорила Аксиныя, идя за ним и вытирая фартуком глаза.

Тихон сказал, что приготовиться надо, и стал было слабеющими руками сам открывать сундук.

-- Да ну, пусти, где тебе!-- ворчливо, полусердито сказала Аксиныя, как она всегда полуворчливо говорила ему за долгие годы совместной жизни. Она наскоро утерла остатки слез, и лицо ее, вдруг потеряв всякие следы горя, стало хозяйственно-озабоченное.

-- Рубаху-то какую наденешь? -- спрашивала она, держась рукой за открытую крышку сундука и глядя на мужа.

-- Вот эту, подлинше...-- сказал слабо Тихон,-- в короткой лежать нехорошо.

И они оба, прошедшие вместе полувековой путь жизни, стояли теперь перед сундуком и выбирали одежду смерти так просто и обыкновенно, точно Тихон собирался в дальнюю дорогу. Потом он полез на божничку за иконой и чуть не упал, завалившись боком на стол.

-- Господи, да куда ты? Что тебе надо-то? -- говорила Аксиныя.

Но Тихон хотел приготовить все сам.

И только, когда Аксиныя насильно отстраняла его, он послушно стоял, уступая ей дорогу.

Вдруг он вспомнил, что у него припасены деньги на похороны, показал Аксиные, и, когда она пересчитывала, он пальцем слабеющей руки указывал на разложенные на столе кучки меди и распределял, сколько нужно на рытье могилы, сколько за погребение.

Потом сказал, чтобы Псалтирь по нем читал Степан, потому что у него душа хорошая и голос тихий.

Тихон попросил помыть его и, когда надел в последний раз чистую рубаху, то весь как-то просветлел. Он сидел на лавке и в то время, как Аксиныя, отвернув его голову, застегивала на нем, как на ребенке, ворот рубахи, он рассматривал свои большие промывшиеся руки, точно находил в них что-то новое, и все одергивал на себе рубаху.

Все, узнав, что дедушка Тихон умирает, собрались в избу и, окружив его, молча однообразно любопытными глазами смотрели, как его убирали.

-- Умираешь, дедушка Тихон? -- спросил Степан.

Тихон поднял на звук голоса слабую голову и, не отвечая, переводил побелевшие, потухающие глаза с одного лица на другое.

-- Помираешь, говорю? -- повторил Степан громче, как глухому, нагибаясь к Тихону.

-- Да...-- сказал Тихон, найдя глазами лицо Степана.

-- Ну, прощай, дедушка Тихон, иди на покой,-- сказал Степан, низко поклонившись ему, так что свесились наперед его волосы.

Тихон молча и слабо смотрел в нагнувшуюся перед ним макушку Степана. Потом невнятно,